

ПОВЕСТЬ ОБ АКТЕРЕ

НОВЫЕ КНИГИ

На суперобложке — рисунок горестно — задумчивого, сумрачного даже человека с не очень гармоничными чертами лица. Раскройте книгу, перелистайте страницу — на портрете одухотворенное, красивое мужское лицо. Как не схожи, противоречивы эти два портрета, запечатлевшие Алексея Семеновича Яковлева, первого трагического актера России на рубеже восемнадцатого-девятнадцатого веков. Но именно их выбирает автор монографии «Алексей Яковлев» К. Куликова для открытия книги. Выбирает не случайно: так задается особый драматический настрой повествования о полной противоречий, блестящих удач и глубочайших несчастий жизни артиста.

В аннотации есть фраза: «Книга написана в жанре документально — художественных жизнеописаний с широким использованием впервые найденного в архивах материала». Обилие архивных документов, разысканных автором, поражает. Но чувство удивления и — вспомним редко ныне звучащее слово — преклонения перед трудом исследователя испытываешь уже потом, когда книга прочитана, а воспоминания о ней, ее героев все не отпускают тебя.

Менее всего это издание «архивное», и даже не совсем точен жанр, определенный аннотацией, хотя оба качества — документальность и художественность — завидно отличаются его от иных собратьев по серии «Жизнь в искусстве». Почему же, открывая книгу, где первая глава начинается сухой биографической справкой: «Алексей Семенович Яковлев родился в 1773 году», с трудом от нее отрываешься? Думается, потому, что за хроникально-документальным повествованием встает остродраматическая судьба великого актера, раскрывается состояние театрального дела на рубеже прошлых веков. Но еще и потому, что преломляются они сквозь призму той эпохи, как ее главных исторических событий — войн с Наполеоном, сменой императоров, так и событий, вроде менее значимых для России, но определявших дальнейшие судьбы сценического искусства, — действий театральной дирекции императорских театров. И вот это преломление переводит повествование об актере Яковлеве с орбиты чисто театральной на орбиту социально — историческую, придавая книге более объемное звучание, значительно расширяя диапазон рассказа.

Не раз по ходу повествования говорится, что сведений о том или ином событии из жизни Яковлева не сохранилось. Это действительно так, и звучит фраза не столько как горький упрек, сколько своего рода пожеланием, просьбой — на будущее — сохраняйте, храните! По крупницам — из ничего на первый взгляд не значащих записей в дневниках, канцелярских книгах, реестрах автор восстанавливает жизненный и сценический путь Яковлева, восстанавливает с тщательностью и по мере возможной подробностью.

Причудливо переплетает К. Куликова в своей повести, — нет, это не оговорка — именно жанру повести ближе всего книга «Алексей Яковлев», — выдержки из дневников Каратыгиных, Жихарева, императорских указов, приказов по дирекции императорских театров, цитаты из поэтических сочинений самого Яковлева, сплавляя все это в цельное повествование. При минимально сохранившемся материале и доброй творческой фантазии автору удается воссоздать «необузданные, пылкие и страстные» образы героев Яковлева. К ролям Дмитрия Донского, Пожарского актер обращался неоднократно за недолгую свою сценическую жизнь. И автор проследивает, анализирует изменения, происходившие в этих ролях с годами и в связи с изменявшейся исторической обстановкой. Яковлев и его наставник Иван Дмитриевский, Яковлев и его коллеги, столь немного численные друзья, Яковлев и критика, Яковлев и театральная дирекция — взаимоотношения здесь никогда не были легкими и простыми, драматизм их К. Куликова выявляет с присущими ее исследованию чуткостью и тонкостью.

За почти академической строгостью описания шекспировских ролей, сыгранных актером, да и за всем повествованием — авторская взволнованность и искренняя увлеченность своим героем. При этом никакого романтического флера в повести нет. Автор строит рассказ драматически напряженно, привнося в него свою, сегодняшнюю боль за столь трагически сложившуюся судьбу великого актера. Быть может, такой вот внутренний эмоциональный накал и есть одна из причин того, что книга читается «залпом». Другая же причина видится в том, что К. Куликова как бы впускает читателя в «кухню» исследовательского поиска, сообщая о том, где и как удалось обна-

ружить те или иные исторические материалы. Это приоткрытие тайн работы придает, если так можно сказать, особый аромат книге — ты не просто читатель, но и соучастник поисков, розысков театроведческих.

Повествуя о судьбе Яковлева, автор более или менее подробно рассказывает о жизни, творчестве и таких мастерах сцены, как Иван Дмитриевский, Александр и Андрей Каратыгины, Екатерина Семенова, Степан Мочалов. Все они сыграли определенную роль в судьбе Яковлева, и об этом К. Куликова судит заинтересованно, в некоторых моментах пристрастно, чем придает повествованию новые оттенки, переводящие его то в план лирико — драматический (как в рассказах о взаимоотношениях Яковлева и Каратыгиной), то в несколько ироничный (эпизоды, связанные с Семеновой). К трагическому фарсу близки страницы об указах по театральной делам, о действиях дирекции императорских театров.

В финальной главе «Перед закрытием занавеса» К. Куликова словно проецирует традиции Яковлева в будущие поколения русских трагиков. Рассказывает она лишь о Павле Мочалове и Василии Каратыгине. Но через годы, века тянется от этого рассказа с точным анализом особенностей творчества тех великих трагиков нить к искусству Павла Орленева, Юрия Юрьева, Николая Мордвинова, Николая Симонова.

Мы сказали уже о многом, чем привлекает книга. Не сказали еще об одном немаловажном ее достоинстве — щедром и свободном совмещении современного литературного языка с языком века восемнадцатого.

...Несколько лет назад вышла книга К. Куликовой, посвященная знаменитой русской актрисе Л. Никулиной-Косицкой, творившей в девятнадцатом веке, актрисе, для которой сочинял некоторые свои пьесы А. Н. Островский. Великому Яковлеву такого счастья не выпало.

Он «вышел рано, до звезды» — эти пушкинские слова как бы фокусируют трагическую судьбу Алексея Яковлева. И за то, что о судьбе этой поведали нам сегодня, благодарность не только автору, но и Ленинградскому отделению издательства «Искусство», которое последовательно продолжает рассказ о русском театре, русском искусстве и его замечательных людях.

Ю. КРАСНОВ

310